

Смешной детектив

**Елена
Логунова**

Леди в черном

Елена Ивановна Логунова
Леди в черном
Серия «Елена и Ирка», книга 24
Серия «Смешные детективы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852634

Леди в черном:

ISBN 978-5-04-193866-6

Аннотация

Писательница и бывшая тележурналистка Елена вместе со своей боевой подругой Ирккой явились на речной берег, чтобы намазаться целебной грязью. Но приятная процедура была бесцеремонно прервана: мимо них кто-то пронесся со страшной скоростью, плюхнулся в воду и скрылся. А за неизвестным гналась некая почтенная особа, но, конечно, не догнала. Подруги решили узнать, что произошло, нашли дом пожилой дамы и узнали печальную новость: она не пережила своей потери. Было от чего расстроиться: не доверяя банкам, Зинаида Колобова всю жизнь откладывала деньги и покупала на них золотые кольца. Время от времени она их доставала и чистила, и как раз во время этой процедуры ее сокровища похитили. Лена с Ирккой не могут пройти мимо такой несправедливости и берутся узнать, куда подевалась связка колец на велосипедном тротуаре!

Смешные детективы Елены Логуновой – это увлекательные интриги, веселые приключения и блестящий авторский юмор. Ее героини легко и изящно распутывают хитроумные преступления, всегда оставаясь самыми обаятельными и привлекательными!

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	13
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Елена Ивановна Логанова

Леди в черном

© Логанова Е.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Вместо пролога

Слава ждал меня на веранде летнего кафе. Было еще не настолько тепло, чтобы завтракать на свежем воздухе, но приятель мужественно закутался в клетчатый плед и, наверное, полагал, что выглядит героически – как шотландский горец.

На самом деле он здорово смахивал на Черепаху из мультика про Львенка, потому что вдобавок к пледу в клетку нацепил большие черные очки.

– Эффектно выглядишь, – констатировала я, взбежав по скрипучим ступенькам на дощатый настил веранды и бухнув на один свободный стул свою сумку, на другой – непосредственно себя. – Привет, Славик! Ты нынче один, без свиты?

Я искательно огляделась, и прятавшийся за стеклянной дверью официант, неправильно поняв меня, тут же вышел на веранду.

Слава – главред краевого телеканала, широко известный в узких кругах деятель культуры, маэстро и мэтр, вокруг него всегда выются телевизионные девушки и юноши.

– Мне не нужны свидетели моего позора, – мрачно сказал он и неприязненно зыркнул на подоспевшего официанта.

Тот, впрочем, всего лишь поставил передо мной креманку и чашку, вполголоса проворковал: «Меренги с грецким орехом, сливочным кремом и малиной, капучино без сахара», –

и тут же удалился.

– Молодец. – Я похвалила Славу, который не ошибся с заказом для меня, и закинула в рот ягоду. – А о каком позоре речь?

– Мне заказали сценарий, – ответил старый приятель и бывший коллега так мрачно, словно ему заказали убийство любимой бабушки.

– И? – Я сунула в рот меренгу.

Идеально: сверху хрустящая, внутри мягкая, орехи порублены мелко, но не стерты в порошок.

– Платят пятьдесят тысяч, – все так же мрачно сообщил Слава.

– Ты не доволен гонораром? – не поняла я.

– Буду доволен, если получу его.

– Клиент не хочет платить?

– И клиент хочет, и я тоже... но никак не могу. – Слава тяжело вздохнул. Признание далось ему нелегко. – Хочешь десять тысяч?

– Смотря за что.

Чью-то любимую бабушку убивать точно не стану.

– За идею. Сценарий я сам напишу, режиссура и продакшн оплачиваются дополнительно, нужен только концепт. Но быстро! Желательно прямо сейчас. Дедлайн на носу, а все мои собственные идеи клиент отвергает.

– Такие плохие идеи или такой капризный клиент? – Я глотнула кофе.

Очень неплохой, хотя пена могла бы быть и поплотнее.

– Клиент непростой – Александр Иванович Шишов. –

Критиковать свои же идеи Слава не стал.

– А! Мебельный король?

– Знаешь этого типа?

– Слышала что-то.

– А в курсе, что у него есть бзик? – Слава разгорячился и начал выпутываться из черепашьего пледа. – Он фанатеет от Трои...

– От гомеровской «Илиады»? – удивилась я.

– От голливудского фильма! Считает себя новым воплощением Ахиллеса!

– Он что, похож на Брэда Питта?! – Вот теперь я заинтересовалась.

– Он похож на молодой картофель в мундире! Розовенький такой, крепенький, кругленький. – Слава откровенно досадовал. Было ясно, что лично у него Шишов кастинг на роль Ахиллеса нипочем не прошел бы. – Но готов заплатить полтос за сценарий короткого представления, причем все дополнительные расходы тоже берет на себя.

– Так в чем проблема-то?

– Это должно быть представление с ним-Ахиллесом в главной роли! Причем такое, чтобы зрители ахнули. Всего одна сцена, но впечатляющая.

– Финал истории, трагическая гибель, – предложила я. – Расстреляй его из луков! Ахнут все, включая хирургов. Они

давненько не имели дело с проникающими ранениями стрелами.

– Нет, это травматично, такое нельзя. – Слава не принял шутку. – И бой Ахиллеса с Гектором тоже не предлагай, Шишов не владеет мечом.

– Как же так? Если он новое воплощение Ахиллеса...

– Какие-то погрешности реинкарнации, не иначе. На мечах он не бьется, на копьях тоже, вообще никаким воинским искусствам не обучен. И не слишком спортивен, так что ту сцену из фильма, в которой Ахиллес в высоком прыжке одним движением перерезает горло гиганту-противнику, тоже не предлагай, не подскочит наш колобок.

– М-да... – Я призадумалась. – С таким некондиционным Ахиллесом поди придумай что-то... А если массовое что-нибудь? Троянские лучники, греческая пехота, неприступные стены крепости, на общем героическом фоне – наш тюфяк?

– Мы не успеем обучить статистов и не сможем построить крепость, забыл сказать: у нас площадка пять на пять метров под открытым небом, так что про массовку, профессиональный свет и габаритные декорации сразу забудь.

– Стоп, – из-за массы ограничений я тоже начала злиться. – Давай-ка с самого начала: где будет это представление? На лужайке перед особняком Шишова?

– Если бы! На фестивале «Фан фэнтези» в парке на Затоне, слышала о таком?

– Краем уха.

– Большая туса «толкнутих» и прочих стукнутых фанатов разных выдуманых вселенных, – объяснил Славик. – У каждой группы повернутых своя небольшая площадка с абсолютным минимумом оснащения, но с регламентом и расписанием представлений, чтобы зрители с удобством кочевали между мирами. А ты думала, будет легко? Было бы легко, я бы весь полтос себе оставил, тебе десятку не отщипнул.

– Так, дай подумать...

Я отодвинула креманку и чашку, поставила локти на стол и уткнула указательные пальцы в виски. Слава откинулся на стуле и неспешно допил свой кофе, с удовольствием наблюдая за моими творческими муками. Наконец он поставил опустевшую чашку на стол, посмотрел на наручные часы и ворчливо сообщил:

– У меня еще пять минут, потом надо бежать.

– Придумала! – я сменила позу на более удобную и залпом допила свой остывший капучино. – Брисеида!

– Что – Брисеида?

– Решение нашей проблемы. – Я заглянула в креманку и, обнаружив в ней одинокую забытую меренгу, с удовольствием съела ее и продекламировала:

– Шествуйте, верные вестники, в сень

Ахиллеса Пелида;

За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля

– Это что ты цитируешь? – прищурился Слава.

– «Илиаду» Гомера, но, видимо, зря, ты ж ее не читал.

Я вспомнила, что в университете он учился кое-как, лекции безбожно прогуливал, а сессии сдавал только благодаря хорошо подвешенному языку и шпаргалкам. Моим, кстати. Я гениальные шпаргалки писала – лаконичные и содержательные, как «Мене, текел, фарис».

– Упрощу для лучшего понимания. В греческой мифологии Брисеида была женой Мина, царя Лирнесса. Великий ахейский герой Ахиллес разорил город Лирнесс, убил царя Мина и взял Брисеиду в плен, сделав своей любимой рабыней. Агамемнон захватил ее в плен во время одного из набегов на окрестности Трои и вернуть девушку отказался, хотя ее отец, жрец Аполлона, давал за дочь большой выкуп. Тогда Ахиллес собрал вождей ахейского войска и потребовал у Агамемнона, чтобы тот вернул Брисеиду ее отцу...

– Да не было такого! – перебил меня Слава. – В кино Брисеида – принцесса Трои и любовница Ахиллеса!

– Ты прав, в кино все было совсем не так. – Я спохватилась, что слишком увлеклась первоисточником. – Вот и сделайте, как в кино: Ахиллес забирает Брисеиду у захвативших ее воинов, ведет в свой шатер, и там они становятся любовниками. Шатер-то на площадке поместится?

¹ Гомер, «Илиада» (I, 318–325).

– Шатер поместится. – Слава кивнул и потер ладони. – А это тема! Найдем фигуристую девку, подразденем ее в древнегреческом стиле, чтобы народ засмотрелся на прелести, и сместим фокус внимания с нашего недоделанного Ахиллеса... По зубыточине паре пьяных воинов он как-нибудь раздаст, они эффектно скопытятся, зрителям это понравится... А секс показывать не будем, у нас ограничение 16+, но намекнем на бурную любовную сцену в шатре – потрясем его стены, пустим вздохи и стоны...

Я молча положила на стол руку ладонью вверх и с намеком пошевелила пальцами.

– Если заказчик одобрит идею – пришлю тебе деньги на карту, – совершенно правильно понял меня Слава и встал, эффектно скинув клетчатый плед – прям Ахиллес, сбрасывающий плащ перед решающим боем! – За твой кофе с десертом я заплатил, можешь не благодарить, приятно было увидеться...

– Хорошего дня! – пожелала я ему в спину, разумеется, имея в виду предстоящие переговоры с клиентом.

Спасибо советской родине, в универе я отучилась бесплатно, еще и повышенную стипендию получала, так что в образование свое инвестировала только время и силы, но все равно не отказалась бы конвертировать знание древнегреческой мифологии в десять тысяч современных российских рублей.

Глава 1

– Не звонили еще?

Ирка ввалилась в дверь, как медведь. Добычливый, не просто разоривший пасеку, а еще и прихвативший с собой пару ульев: под мышками подруга держала не то баулы, не то бочонки.

Мне помешал разглядеть ее ношу слепящий свет. На лестничной площадке напротив входной двери нашей квартиры расположено большое окно, которое уборщица утром отмыла до хрустального блеска, а солнце днем до краев наполнило его.

Бухнув на пол в прихожей предполагаемые ульи, «медведь» протопал ко мне в кухню и озабоченно повторил:

– Не звонили?

– Звонили. – Я кивнула и попробовала борщ в кастрюле.

Подруга шагнула к плите, отняла у меня ложку, тоже попробовала и безапелляционно заявила:

– Соли мало.

Я послушно добавила соли, помешала, снова попробовала, удовлетворенно кивнула, выключила газ и накрыла кастрюлю крышкой.

Борщ не едят с пылу с жару, он должен как следует настояться. Самый вкусный – вчерашний. «Учереяшний», говорят у нас на Кубани.

– И что сказали? – Подруга села за стол и помахала рукой, побуждая меня поторопиться и вовсе не претендуя на снятие пробы.

Она прекрасно знает местные кулинарные традиции и первая надавала бы мне по рукам, вздумай я разлить по тарелкам свежесваренный борщ.

Я включила чайник, поставила на стол початую коробку конфет.

– Не тяни! – рассердилась Ирка. – Я гнала как сумасшедшая, чтобы не опоздать! И что? Не успела?!

– На этот раз они объявились еще утром. – Я развела руками. – Что можно поделать? Попросить перезвонить часиков через пять?

– А почему нет?!

– Успокойся, так и сделала. – Я достала из шкафчика чашки. – Тебе чай или кофе?

– Мне каркаде. А они что?

– А они еще трижды перезванивали и возмущались моей безответственностью. Мол, как такое возможно – уклоняться от беседы со следователем из столичного управления. – Я плюхнула в кипяток пакетики с заваркой и переставила чашки на стол.

– А ты им сказала, что в нашей стране следственные действия с гражданами по телефону не проводятся? – Ирка развернула и закинула в рот шоколадную бомбошку.

– Нет, я им сказала: «Ой, погодите, мне как раз по другой

линии из банка звонят, должно быть, хотят предупредить о телефонных мошенниках!»

– И это их отпугнуло? – подруга недоверчиво pokrутила головой и окончательно успокоилась. – Наверняка ненадолго. Скоро опять позвонят.

– И не раз, – меланхолично согласилась я, разворачивая конфетку. – В прошлом месяце звонили четыре дня подряд. А в позапрошлом три.

– Угадывается система, – кивнула подруга и притопила ложкой разбухший пакетик.

Систему угадал бы даже наивный Буратино. Я таковым не была, поэтому быстро заметила: на следующий день после того, как я вношу в банк очередной ипотечный платеж, мне звонят телефонные мошенники. Прикидываясь то сотрудниками финансово-кредитных учреждений, то работниками правоохранительных органов, эти нехорошие люди пытаются выманить у меня ключи и пароли от счетов, где деньги лежат. Я им, конечно же, ничего такого не сообщаю, даже слово «да» никогда не произношу, чтобы жулики его не вырезали из записи разговора и не использовали для аутентификации по голосу. Но свернуть разговор моментально не получается: мошенники очень настойчивы. Приходится проявлять изобретательность, чтобы как-то их отогнать.

Ирку это очень развлекает, она взялась вести хронику моих коммуникаций с телефонными мошенниками и старается не пропускать таких разговоров.

– Не понимаю, почему полиция не борется с этими жуликами, – посетовала подруга, мелкими глоточками прихлебывая горячий напиток. – Расплодились, точно крысы на помойке! Нормальным людям от них житья нет! Дурят доверчивых граждан без зазрения совести.

– При случае попеняй на это полковнику Лазарчуку, – предложила я и сменила тему: – А что у тебя там?

Я кивнула на коридор, вспомнив, что подруга явилась ко мне отягощенной не только морально, но и физически.

– В одной баклажке вода, в другой грязь. Мои тебе подарочки из Пятигорска. – Ирка подхватилась, убежала в прихожую и вернулась уже с «подарочками» в пятилитровых бутылках.

– Спасибо, конечно...

Я озадаченно посмотрела на немаленькие сувениры.

– Воду выпьете, грязью будешь намазываться. Отличная грязь! – Подруга ногой подпихнула ко мне баклажку, по самую крышку наполненную черной и маслянистой, как нефть, массой. – Прямиком из Томбуктанского озера!

– Тамбуканского, – машинально поправила я. – Томбукту – это в Африке, там ты еще не была. Слушай, а как у тебя получилось набить этой грязью такую большую емкость с узким горлышком? Она же очень густая.

– Я старалась, – обиженно ответила подруга. – Битый час возилась, пока три баклаги наполнила.

– Три? – ужаснулась я.

Тамбуканская грязь, если кто не знает, чемпион по укывистости и расходу средства на единицу площади. Одной пригоршни этой вязкой черной массы вполне достаточно, чтобы превратить в дядю Тома здорового высоченного мужика вроде моего супруга. Мне с достаточно скромными габаритами хватает и пары столовых ложек, причем негрятянка из меня получается на диво убедительная. В Томбукту запросто приняли бы за свою.

– Одна мне, вторая тебе, а третья нашим мадамам, – обосновала свою запасливость Ирка.

Наши мадамы – это моя тетушка Ида и ее подруга Марфинька, интеллигентные питерские старушки, благодаря которым Ирка и открыла для себя Пятигорск с его водами и грязями.

Мадамы завели обыкновение зимовать на курорте, спасаясь от гололеда и сосуль любимой Северной столицы. Раньше-то они в Бад-Вильдбад и Баден-Баден усвистывали, а теперь вынуждены ограничиваться просторами родной страны, но нисколько этим не огорчаются. И рассказывают о своей курортной жизни так увлекательно, что Ирка не выдержала и недавно свозила в Кавминводы все свое семейство. Нас с собой тоже звала, но мы отговорились тем, что любим бывать в Пятигорске в феврале, когда контраст между горячими природными ваннами и окрестными заснеженными горами наиболее впечатляет.

– Пяти литров грязи мне хватит, чтобы обмазаться с ног

до головы раз сто, – прикинула я.

– Пять литров – это объем посуды, а грязи в ней почти семь кило! – подруга набила цену своему подарку.

– Три года мазаться, если хотя бы раз в неделю, – подсчитала я без восторга.

Тамбуканскую грязь, чтобы вы знали, очень трудно отмыть. А пачкает она все вокруг ого-го как!

– Понимаю, о чем ты, – нисколько не обидевшись, усмехнулась подруга. – Сама не хочу развозить грязь в своей чистой ванной. Именно поэтому я здесь!

– Чтобы развозить грязь в моей чистой ванной?!

– Без паники! Я нашла другое решение! – Ирка устремила выразительный взгляд за окно. – Какая сегодня погодка-то, а? Небо ясное, солнце яркое, максимальная температура воздуха по прогнозу будет плюс двадцать четыре! В пятнадцать часов, – она озабоченно посмотрела на свой наручный хронометр. – То есть через пятьдесят минут. Собирайся, а то пропустим самое тепло.

– Мы идем гулять? – не поняла я.

– Не гулять, а принимать процедуры! – подняла палец затейница. – Намажемся полезной грязью на пляже у реки, там в будний день в апреле пусто, нам никто не помешает.

– А мыться как?

– Вчерне – речной водичкой, она проточная, и ее много, а потом из баклажек ополоснемся, у меня в багажнике двадцать литров водопроводной воды, – похвасталась подруга. –

Комнатной температуры, правда, но мы выставим ее на солнце, она и нагреется.

Сочтя, что все уже сказано и решено, она потопала в прихожую, на ходу напевая что-то собственного сочинения:

– Кто гуляет у реки...

– Это мы – грязевики, – мрачно подсказала я идеальную рифму.

Но возражать против смелого плана не рискнула, чтобы не подвергнуть опасности тотального загрязнения свою чистую ванную комнату.

Девочкой она даже любила свое имя. Зина, Зиночка – звучало тонко, звонко, задиристо, как свист шпаги, а про отважных мушкетеров она читала взхлеб. И была очень разочарована, когда д'Артаньяна в кино сыграл Боярский, совсем не похожий на бравого гасконца из ее девичьих грез.

Сама она, впрочем, тоже не походила ни на Миледи, ни на Констанцию. Разве что на простушку Кэтти, хотя и та была поизящнее.

Зине не то чтобы не повезло с внешностью – девушка она была видная, многим мужчинам нравилась, вот только в пару ей подходил не каждый. Вертлявый задохлик д'Артаньян-Боярский рядом с ней смотрелся бы комично. Зина-то и повыше была, и покрепче, с широкой костью – крестьянской породы, горделиво говорил ее батя. Тот искренне полагал эталоном женской красоты дородную бабу, способную на скаку остановить коня, а лучше двух.

С конями Зина и вправду имела дело: девчонкой вместе с другими деревенскими детьми ходила в ночное, пасла колхозных лошадей – зарабатывала копеечку. Прочих многочисленных сельских работ тоже никогда не чуралась, отчего становилась только крепче. Когда после школы поехала в город поступать в ВУЗ, сразу же привлекла внимание тренера институтской спортивной команды. Толкала ядро! Даже несколько медалей на соревнованиях получила. Но студенческие годы вспоминать не любила, потому что именно тогда совершила свою первую большую ошибку.

Та звалась Егором и имела вид здорового плечистого парня, похожего на рыжего бычка. Зина и сама не поняла, любовь у них была или так, мимолетная симпатия, – Егор исчез внезапно и навсегда, а она осталась с незаконнорожденным сыном на руках. Чуть не вылетела из института: пришлось взять академ и на год вернуться к бате с мамкой в деревню.

Но Зина всегда была упорной и изо всех сил толкала свою жизнь вперед, как то ядро. Едва малыш Егорка перешел с мамкиного грудного молока на бабкины каши и щи, она вернулась в институт доучиваться. Сумела устроиться в общежитие для аспирантов, а там познакомилась с Геной – своей второй большой ошибкой.

Гена был и хорош, и пригож: высокий, красивый, умный – писал кандидатскую. Зина взяла его в оборот и остановила, как того коня на скаку: вообще-то сначала Гена ухаживал за ее соседкой по комнате. Той пришлось подвинуться – за-

конной супругой подающего надежды ученого-физика стала Зина.

Надежды физик не оправдал. Нобелевку не получил, академиком не сделался и даже за границу уехать не сподобился, хотя в период развала СССР многие его коллеги благополучно уехали кто в Америку, кто в Канаду, где неплохо устроились. И муж из Гены получился так себе – не самый верный. А вот отец он был неплохой, но только не для маленького Егорки – того Гена не принял. Ему Зина своих деток аж трех родила, пришлось Егорке расти с дедом и бабушкой. А старики попивали, внук постепенно тоже к этому делу пристрастился, по пьяному делу обнес с дружками какой-то киоск, получил срок. Вышел – не мог найти нормальную работу, горевал и выпивал... Чуть за тридцать парню было, когда он в петлю полез.

Зина вину свою не сразу в полной мере ощутила. Говорила себе: не уследила, да, а как могла, когда он там, в деревне, а она тут, с мужем и еще тремя детьми? Хотя их с Геней старший к тому времени уже уехал из дома, женился и жил сам по себе, внимания и помощи не просил. Да и второй сын в родительской заботе не нуждался: еще на первом курсе института отселился, начал свой бизнес и благополучно справлялся со своими делами. Одна только младшая, доченька-принцесса, оставалась с родителями, и вот она-то, что называется, давала стране угля. Причем в таком количестве, что мама с папой только и успевали разгрести завалы

проблем. Когда Зине было о Егоре печься?

Но годы шли. Гена от жены ушел, дочь-принцесса потянулась за папой, который ее вечно баловал, и Зина осталась одна. Поначалу ей это даже нравилось: в доме тишина, покой, ни о ком не надо заботиться – красота! А со временем сделалось неуютно. Особенно ночью, когда совсем тихо в доме, только ходики тикают, неумолимо время отсчитывают – тик-так, Зина, тик-так, скоро тебе в гроб ложиться!

Так на старости лет она и разлюбила не только тишину и покой, но и собственное имя. Баба Зина – это совсем не изящно звучало, а смешно и нелепо. Назвали бы ее батя с мамкой, скажем, Стеллой или Марианной, никто бы к ее имени не приделал обидное «баба»! Никак такого не могло быть – баба Стелла, баба Марианна... Да только куда им, они и имен таких отродясь не слыхивали, а латиноамериканские сериалы позже появились, когда Зина совсем взрослой была.

– А ты смени имя, – похохатывая, советовала соседка Людка, за неимением других близких ставшая Зине почти подругой. – Пойди в паспортный стол и скажи: так, мол, и так, хочу быть не Зинаидой, а владычицей морскою! Как Русалочка из мультика зваться желаю – Ариэль!

– Это стиральный порошок, – бурчала Зина.

В подаче насмешницы Людки неплохая, в общем-то, идея поменять имя в паспорте звучала глупо.

– Тогда Элеонора, – предлагала та. – Или, чего уж там, давай сразу – Клеопатра! Баба Клеопатра – такое ни у кого

язык не повернется сказать, будешь чувствовать себя вечной молодухой. Как в анекдоте, знаешь? «Девочка, барышня, де-вушка, молодая женщина, молодая женщина, молодая женщина, бабушка умерла».

– Тьфу на тебя, дура, – сердилась Зина и гнала подругу за порог – домой, к сопливым внукам и квашне с тестом для пирогов.

Умирать ей не хотелось. Ни бабушкой, ни молодой женщиной. А сердце уже давило, давление скакало, ноги то гудели, то отнимались – почти семьдесят лет, еще чуть-чуть – и жизни конец.

А что потом? Если правду говорят, что на том свете всех нас ждут близкие, как она Егорке в глаза посмотрит? Чем оправдается за то, что бросила его на произвол судьбы?

Тут ей никто не мог помочь толковым советом, даже Люд-ка только руками развела – мол, Бог рассудит.

И пошла Зина с этим к Богу. В церковь, к батюшке. Послушала его, подумала да и нашла способ загладить свой грех.

– Ризу святому Георгию слажу и оклад на икону, – решила она.

Поделилась с подругой:

– Как помирать соберусь, отнесу в храм свои кольца.

– А ты по плану помирать будешь? – язва Людка удивилась. – Сегодня в храм с кольцами, завтра в гроб в белых тапках? А ежели не успеешь, не та выйдет последовательность?

– Успею, – заверила ее Зина.

Хоть и решила она, что золото не сыновьям и дочке завещает, а церкви пожертвует, расставаться со своим богатством раньше времени не спешила.

Зина копила его почти полвека. Как вышла за Гену, так и стала каждую свободную копеечку откладывать. Потихонечку, полегонечку наполняла копилочку, а потом шла в ювелирный и покупала там золотое колечко. Не для того, чтобы украшать себя, а на старости лет не остаться без средств к существованию.

Крестьянская мудрость и жизненный опыт подсказывали ей – банкам доверять нельзя.

Нехитрая Зинина инвестиционная стратегия вроде бы оправдалась. По колечку, по колечку – и набралась у нее почти за полвека увесистая связка золотых «баранок».

Зина кольца-то сначала на шнурок, а потом на прочный стальной тросик нанизывала. У внука позаимствовала – тот таким устройством с замочком свой велик на улице пристегивал, чтобы не угнали.

Кольца были гладкие, без камней и узоров – самые простые обручальные. Зина нарочно такие брала, чтобы за работу не переплачивать: в ее представлении ценность имел исключительно драгметалл. В ювелирном изделии обычной для советских времен 585-й пробы содержание чистого металла было достаточно высоким. Зина разузнала, прикинула: ныне ее кольца в скупке тянули примерно на миллион рублей. Четыреста семьдесят два грамма золота!

Точный вес своего золотишка Зина знала, потому что магазинные ярлычки с приобретенных изделий никогда не снимала. Так и навешивала кольца на тросик вместе с опломбированными бумажками. В этом было некоторое неудобство: ниточки так и норовили запутаться, и Зина время от времени аккуратно разбирала их. Заодно полировала мягкой тряпочкой и пересчитывала кольца, хотя прекрасно знала, сколько их у нее: сто восемь. Жаль, до ровного счета не дотянула, перестала инвестировать – на одну пенсию золотишка не купишь.

Сама собой у нее сложилась новая традиция. Раньше Зина регулярно ходила в ювелирный салон за очередным кольцом, а теперь она с неизменной периодичностью приводила в порядок свои сокровища.

Раз в месяц, точно в день рождения Егорки, вину перед которым Зина и надеялась искупить накопленным золотишком, доставала она из надежного места кольца и садилась с ними у окна за стол, накрытый мягким резиновым ковриком.

Брала ватный диск, мазала его старой губной помадой – отличное полировочное средство, чтобы убрать потертости и царапинки, если кто не знает, и...

С грохотом и звоном разбилось оконное стекло! Осколки полетели и на подоконник, и на придвинутый к нему стол, и прямо в Зину!

Она зажмурилась, отшатнулась. Стул не удержался – упал, она сильно ударилась спиной и затылком, но, конечно же, не

залежалась на полу – не из таких крестьянская баба, которая и коня остановит.

Не обращая внимания на боль в спине и кровавую каплю, затекшую в глаз – похоже, лоб порезало стекляшкой, – Зина неловко, как черепаха, перевернулась на живот и на коленках, раздирая чулки об осколки, подползла к столу.

Уцепилась за столешницу, подтянулась, поднялась...

И успела заметить чернокожую лапу, одним рывком утянувшую в оконный проем все ее богатство – сто восемь золотых обручальных колец на стальном велосипедном тросике!

Место, как выяснилось, Ирка выбрала заранее. Присмотрела, когда мы большой компанией друзей ходили к реке на шашлыки.

Теперь только порадовалась:

– Ты смотри, тут и очаг наш еще цел! Прекрасно, быстро сладим костерок. Насобирай-ка мелких палочек для розжига.

– Зачем нам костерок? – я оглядела песчаную отмель, обнажившуюся из-за того, что за зиму река сильно обмелела. – Тут и так тепло.

Прогноз не подвел, яркое солнце на ясном небе пекло почти по-летнему, воздух прогрелся даже поболее, чем до обещанных +24. И ветер, который исправно мел городские улицы, у реки не чувствовался – от него нас закрывали стена высокого берега, старые ивы и густые заросли сухих камышей.

– А грязь подогреть? – напомнила Ирка и повернулась,

чтобы открыть багажник. – Ее наносят теплой, оптимальная температура – сорок градусов.

– Можно было ее дома нагреть и привезти в термосе, – проворчала я.

Ирка замерла, пораженная гениальностью этой мысли и огорченная ее же несвоевременностью:

– Могла бы и раньше сказать! – но тут же обрела обычную невозмутимую деловитость: – В следующий раз так и сделаем, а пока обойдемся костерком. Бери баклажку с водой, тащи ее на берег, потом вернешься за следующей.

Я с тоской оглядела содержимое багажника: четыре пятилитровых бутылки с водой, аккуратная вязанка дров, туристический коврик-пенка в рулоне, махровые полотенца в стопке, еще какой-то пухлый пакет... Таскать нам – не перетаскать.

Может, надо было пожертвовать своей чистой ванной?

– Не стой, упустим самое тепло! – Ирка сунула мне в руки баклажку, под тяжестью которой меня сразу же перекосило. – Складируем все у нашего старого очага, там идеальное место для бивака. Сверху нас видно не будет, а по реке никто теперь не плавает.

– Зато с другого берега Кубани мы будем как на ладони, – напомнила я, но дальше спорить не стала, спеша избавиться от оттягивающей руку баклажки.

– На другом берегу многоэтажный долгострой, там пока что как на Марсе – никакой жизни нет. – Подруга догнала

меня на крутом спуске, промчалась мимо с ветерком и дровами, чуть не царапнув по ноге суковатым поленом. – Но если и увидит нас кто-то здесь, что такого? В грязи мы будем совершенно неузнаваемы.

– Загадочные люди в черном, – кивнула я, с кряхтением опуская на белый песочек свою увесистую ношу.

– Леди в черном! – хихикнула Ирка. И не позволила мне постоять, отдыхая. – Эй, эй, без перекуров, пожалуйста! Давай-ка живо все сюда перенесем, чтобы я закрыла багажник.

Под чутким руководством подруги, привыкшей командовать тремя богатырями – сыновьями и мужем, с подготовительным этапом мы управились быстро.

Уже через четверть часа бутылки с водой, дрова и прочее необходимое снаряжение были перенесены на бережок. Я с чувством честно исполненного долга уселась на развернутой пенке, а Ирка склонилась над очагом, разжигая огонь.

Поскольку именно я, пройдясь под ивушками в низком приседе, собрала мелкие сухие палочки для розжига, никакой вины за то, что отдыхаю, пока подруга трудится, не ощущала.

Попыхтев и запалив костер, Ирка сунула прямо в огонь котелок с водой, в которую опустила стеклянную банку с грязью. На водяной бане та быстро нагрелась до нужной температуры, и вскоре можно было приступать непосредственно к процедуре.

– Смущенье прочь, снимаем все, потому как под грязью

все равно ничего не видно будет, а белье, если оно испачкается, потом не отстираешь, – непререкаемым тоном распорядилась подруга. – И не тяни, мажься быстро, пока грязь не остыла!

– А с волосами как? – я в сильном сомнении посмотрела на протянутую мне склянку с грязюкой.

– В идеале, конечно, надо бы и голову намазать, тамбуканская грязь очень полезна для укрепления и роста волос, но их мы тут потом не промоем, – с сожалением признала Ирка и полезла в свою сумку-самобранку. – Держи.

– Это пакет для мусора? – я двумя пальчиками взяла лоскут черного полиэтилена.

– Сейчас это купальная шапочка.

– Грязевальная, – съязвила я, но покорно упаковала свой скальп в мусорный пакет, предварительно скрутив русский хвост в тугую «гульку».

Ирка не без труда – ее рыжая шевелюра гораздо пышнее моей – сделала то же самое, и мы в четыре руки, помогая друг другу, проворно намазались прославленной тамбуканской грязью.

– Ну красота же! – весело восхитилась Ирка, оглядев меня на предмет обнаружения возможных пробелов и дефектов покраски. Я ответно оценила ее новый экстерьер.

Из стокилограммовой подруги получилась совершенно роскошная Большая Черная Мамушка. Я на ее фоне терялась, годясь разве что на эпизодическую роль негритенка с

опахалом, зато песенка про Чунга-Чангу в моем исполнении прозвучала особенно органично.

Потом мы немного поскакали по песочку, по мере сил и таланта изображая африканские пляски, а затем Ирка вдруг шикнула, приложив черный палец к красным губам:

– Тихо!

– «Тихо, тихо, слышите, вы слышите, рыдают? Я клянусь вам светом солнца и луны, это плачут тигры, львы и попугаи, крокодилы, баобабы и слоны», – подхватила я, решив, что подруга решила продолжить вокальный номер нашего знойного дуэта песенкой негритенка из старого советского кинофильма «Проданный смех». – «Змеи грустные из нор не вылезают, обезьяны на бананы не глядят, зебры плачут черно-белыми слезами и кокосовых орехов не едят...»²

– Змей нам тут и не надо, спасибочки, а на обезьянку я бы поглядела, но вряд ли это она. – Ирка внимательно уставилась на камыши.

Я проследила за ее взглядом и увидела расходящуюся по сухостою волну. Похоже, по зарослям кто-то бежал, довольно быстро приближаясь к нашему биваку. Макушки двухметровых стеблей тряслись и кланялись, но возмутителя камышового спокойствия еще не было видно.

Я отогнала видение соплеменного обезьянам и зебрам удава, мчащегося на всех парах, – не надо нам такого аф-

² ¹ «Это Африка не может без меня» – музыка Максима Дунаевского, слова Леонида Дербенева.

риканского колорита! – и огляделась в поисках чего-нибудь подходящего для того, чтобы прикрыть наготу. Одежду свою мы аккуратно сложили подальше от костра, чтобы вещи не пропахли дымом.

– Не тронь, испачкаешь! – угадав мое намерение метнуться за подштанниками, одернула меня подруга.

– А как тогда?

Мы сцепились взглядами, и в этот момент раздался громкий бульк – похоже, в воду что-то плюхнулось, и камышовое волнение прекратилось.

– «Десять негрятят пошли купаться в море, десять негрятят резвились на просторе», – озадаченно пробормотала Ирка, детской считалкой продолжая спонтанно возникшую тему «Африка в песнях народов мира».

Я повернулась к реке, просканировала взглядом ее гладкую серебристую поверхность и закончила куплет:

– «Один из них утоп, ему купили гроб, и вот результат – девять негрятят!»

– Двое, – машинально поправила подруга, явно имея в виду нас.

– Трое! – возразила я, поскольку камыши над нами опять затряслись.

Через несколько мгновений из зарослей на песчаный берег вперевалку, как утка, выскочила особа в ситцевом платье-халате – синем, в белых с желтыми серединками ромашках.

Яркая расцветка наряда бросилась мне в глаза, а облаченную в него гражданку я рассмотреть не успела, но это точно была не африканская, а наша, русская. Она моментально ушуршала обратно, успев только взвизгнуть: «Батюшки, черти!».

– Это кто черти? Это мы черти? – по кильватерному следу в камышах отследив ретираду впечатлительной незнакомки, вслух удивилась Ирка.

Кажется, она слегка нахмурилась, а впрочем, в этом я не уверена. Толстый слой антрацитово-черной тамбуканской грязи маскирует мимику получше карнавальной маски.

– Какие же мы черти? У нас рогов нет! – подруга продолжала запоздало оппонировать беглянке.

– У тебя есть, – возразила я. – Уголки мусорного пакета очень похоже оттопырились.

– Затопырь их обратно. – Ирка наклонила голову, чтобы поправила ее грязевальную шапочку, но вовремя спохватилась: – Хотя, нет, не трогай, испачкаешь... Как думаешь, пятнадцать минут прошли уже?

– Все двадцать прошли.

– Тогда давай заканчивать процедуру. – Подруга осторожно, чтобы не наколоть босые ноги, пошла к реке. – Что-то у меня настроение пропало. Обескуражила меня эта бабка своим «Черти, черти!».

– Это была бабка? – Я тоже зашла по колено в реку и стала смывать с себя целебную грязь. – Ой, вода холодная-а-а!

– Сейчас у костра согреемся... Да, это была бабка, толстая и седая. Как бы ее кондратий не хватил, а? – Ирка забеспокоилась и ускорила с помывкой.

Мы быстренько ополоснулись в реке, вылили друг на друга теплую воду из баклажек, насухо вытерлись полотенцами и оделись.

– Ну вот! Выглядим как белые люди. – Подруга частями осмотрела себя в маленьком зеркальце, стерла черное пятно за ухом и с треском, похожим на пистолетный выстрел, захлопнула пудреницу. – Теперь собираем манатки, садимся в машину и...

– И? – меня насторожила образовавшаяся пауза.

Ирка вздохнула.

– И можно, конечно, сразу ехать домой, но я бы все-таки сначала посмотрела в камышах. Вдруг бабка там лежит в глубоком обмороке?

– Я бы не удивилась, – призналась я, сноровисто собирая вещи. – Сама бы хлопнулась без чувств, столкнувшись в кубанских плавнях с такой демонической черной парочкой! Да у костра, в дыму!

– И не забудь про запах серы! – Ирка не удержалась и хихикнула. – Тамбуканская грязь – она же просто *чертовски* ароматная.

В камышах никого не было. Ни удава, ни бессознательной бабки. На дороге, отделяющей высокий берег от первой ли-

нии частных домов, тоже не наблюдалось никаких тел. Во всяком случае, неподвижных: котики в лопухах шныряли во множестве. Частный сектор у реки – раздолье для усатых-полосатых.

– Кажется, бабушка справилась с потрясением, – обнадежилась Ирка, но тут позади нас с намеком завывла сирена, и подружка опасно притиснула свою машину к обрыву, пропуская спешащую «Скорую».

Я проводила карету с красным крестом хмурым взглядом и покосилась на подругу, выразительно подняв бровь. Ирка тихо выругалась, вырулила на дорогу и поехала вслед за «Скорой».

Еще лет двадцать назад вдоль реки, которая служит границей города и края с соседней Адыгеей, стояли только убогие старые хаты, но не зря наше правительство утверждает, что благосостояние российских граждан постоянно растет. Таких вот, с резко выросшим благосостоянием, откуда-то взялось на удивление много, и хижины стали вытесняться дворцами.

В результате уже сейчас застройка утратила стилистическое единообразие в духе «бедненько, но чистенько».

Особенно эклектично выглядит первая линия. Тут тебе и трехэтажный фахверковый дом а-ля жилище баварского бюргера, и псевдоготический замок с башенками, и хатка-мазанка под потрескавшимся шифером, и типичный приют викинга с островерхой крышей, и белокаменный дво-

рец-палаццо с арочными окнами – все в один пестрый ряд.

«Скорая» свернула с тянущейся по высокому берегу улицы Приречной в уходящий в глубь частного квартала проезд и сразу остановилась.

Ирка тоже запарковалась, мы вышли из машины и заглянули в проулок, куда выходила калитка небогатого дома – сейчас она была распахнута настежь и подперта половинкой почерневшего кирпича. В проеме можно было видеть гравийную дорожку, обитый угол старого кирпичного дома и буйную зелень необлагороженной растительности.

– А по фасаду никакого тебе забора, – проворчала моя хозяйственная подруга.

– Он явно был там, но его разобрали, остались только столбы. Похоже, доски менять будут, – я проявила дедукцию. – Хотя я бы обошлась без забора, только кусты подстригла, чтобы вид на реку открыть.

– Без забора, здесь? – Ирка фыркнула. – Под обрывом песчаный берег, где вечно кто-то гуляет, а кто-то бомжует, в полкилометре слева – пригородный вокзал, справа – ресторан с недоброй славой, натуральная воровская малина. Смекаешь, какая тут криминогенная обстановка? Без забора нельзя.

За разговором мы подошли поближе к обсуждаемому объекту и заглянули во двор. Ирка первой сунулась в открытый проем калитки, тут же отшатнулась и схватилась за сердце:

– Боже мой!

У меня тоже екнуло в груди.

Во дворе у самого порога дома лежало тучное тело, частично накрытое белым с розовыми полосками льняным полотенцем. Из-под него виднелись отекавшие ноги в тапках-ботах из овчины и подол ситцевого халата – синего, в белых с желтыми серединками ромашках. Белый меховой верх обуви был усеян сухими репьями и растительным мусором. Такая домашняя обувь не приспособлена для пробежек в зарослях сухостоя.

– Это она, – шепнула мне на ухо Ирка. Она максимально приглушила голос, но не смогла скрыть в нем ужас. – Та самая бабка!

– Вижу, – тихо ответила я, холодея.

Какой кошмар, мы довели до смерти впечатлительную старушку!

Или не мы?

Я прислушалась к словам людей, кучкующихся в некотором отдалении от тела.

– ... сердце, – сказал мужчина в красно-синей форме «Скорой» – врач или фельдшер. Он разговаривал с полной женщиной в кухонном фартуке поверх розового спортивного костюма, похожего на флисовую пижаму. – Она болела?

– Ходила в поликлинику, – уклончиво ответила женщина и повернула голову, посмотрев на тело. – Кто в этом возрасте здоров? Ох, Зина, Зина...

– Ну даже если она стояла на учете и имела подтвер-

жденный диагноз, при такой внезапной смерти необходимо вызвать сотрудника полиции для оформления протокола осмотра тела, – сказал медик.

– Я позвоню, Людмила, – мягко, но решительно произнес третий человек – мужчина, которого я не видела, потому что женщина и медик его загораживали. – Вы пока с Анатолием Ефимовичем посидите, может, водички ему...

– Ох, и правда... – женщина послушно отошла в сторону. Я вытянула шею, но упомянутого Анатолия Ефимовича не разглядела, его закрывал жасминовый куст. Зато теперь увидела того, кто проявил о нем заботу, и это оказался хорошо знакомый мне человек!

– А это не отец ли Александр? – Ирка тоже его узнала.

– Он самый.

Я встретилась взглядом с батюшкой, он мне кивнул, но ничего не сказал – очевидно, у него в телефоне, приложенном к уху, как раз возник собеседник.

– Кто же она такая, эта бабка, если к ней сам настоятель примчался? – Ирка озвучила вопрос, который возник и у меня.

Батюшка Александр – мой старый знакомый. Можно сказать, из прошлой жизни.

В давние времена, когда он с легкостью откликнулся на свойское Сашкен, мы с ним вместе учились на филфаке. Но на третьем или на четвертом курсе мой приятель ушел сначала в академ, а потом и вовсе из универа. Лет десять, навер-

ное, я о нем ничего не слышала, а потом как-то поехала брать интервью у энергичного священника, затеявшего в быстрорастущем спальном районе строительство нового храма, и с изумлением узнала в нем своего бывшего однокурсника – теперь уже батюшку Александра.

С тех пор мы эпизодически встречаемся и общаемся, хотя я при этом всякий раз ощущаю неловкость. Как-то странно просить благословения у того, кому сама же подсказывала на экзамене по старославянскому! Мы же вместе ездили на уборку картошки и ходили по дворам, опрашивая старух, на фольклорной практике. В общежитии жили на одном этаже и тусовались в сборной компании филологов и историков. Яичницу на общей кухне жарили!

У Сашхена родители в кубанской станице жили, держали кур и привозили сыну в город трехлитровые банки с сырыми яйцами, выпущенными из скорлупы, – никогда ни до того, ни после я такой странной фасовки не видела.

А еще бывало, по ночам, истомленные жаждой, мы совершали бандитские налеты на уличный автомат с газировкой, из которого, если метко ударить кулаком в секретную болевую точку, можно было выбить порцию бесплатного лимонада. Лайфхак этот разведкал именно Сашхен! И баллоны, в которые мы набирали халявную газировку, были его – из-под тех же куриных яиц.

Ушлый парень был мой приятель, весьма предприимчивый! Как-то в совхозе, где мы всем курсом по осени фрук-

ты собирали, он договорился с местными парнями об интересном бартере: два ведра отборных яблок на пол-литра домашнего вина. И всех наших девчонок организовал, чтобы из сада с пустыми руками не возвращались! Уже тогда имел влияние на паству, так сказать. И если не опиумом для народа торговал, то домашним винишком...

– К нам идет! – Ирка подпихнула меня локтем.

Пока я предавалась воспоминаниям о нашей общей студенческой юности, отец Александр уже закончил телефонный разговор и двинулся к нам. Должно быть, встревожил его мой неотрывный затуманенный взгляд.

– Здравствуйте, батюшка. – Ирка изобразила не то поклон, не то книксен – проявила уважение.

Отец Александр крестил ее близнецов – я в свое время договорилась.

– Благословите! – подруга сложила ладони лодочкой.

Батюшка привычно осенил ее крестным знаменем и посмотрел на меня.

Я ограничилась глубоким кивком:

– Здравствуйте, батюшка.

– И тебе не хворать, дочь моя, – как мне показалось, язвительно ответил священник. – Что привело вас сюда?

Ирка открыла рот, но я опередила ее:

– Случайность. Мимо ехали, увидели «Скорую», заглянули узнать, не можем ли чем-то помочь.

– Это так по-христиански. – Батюшка Сашкен определен-

но ехидствовал.

– А то!

Ирка подергала меня за полу пиджака. Я обернулась – подруга сделала страшные глаза. Внушение я поняла без слов: как, мол, со священнослужителем разговариваешь?!

По счастью, ломать себя – извиняться за дерзость и проявлять смирение – не пришлось, потому как у отца Александра зазвонил телефон. Батюшка принял вызов и отошел в сторонку, а я сказала Ирке:

– Уходим. Сейчас полиция приедет, не надо нам тут находиться.

– Но как же? А если это мы виноваты? – подруга оглянулась на тело, потом на батюшку. – Покаяться бы...

– Если виноваты – покаемся, – пообещала я, утягивая ее со двора, – но сначала обстоятельства смерти бабули узнаем.

– Как мы их узнаем, если уйдем?!

Ирка попыталась воспротивиться, но я проявила настойчивость:

– Не мы их узнаем, а полиция, которая сейчас приедет. А мы потом расспросим наших товарищей в органах.

– Точно, мы же завтра у Сереги встречаемся! – вспомнила подруга и тут переключилась на предстоящее празднество. – А вы уже купили ему подарок? Я даже не знаю, что можно преподнести на день рождения пятидесятилетнему мальчику...

– Сорокалетнюю девочку, – предложила я и обеспечила

окончательную смену темы.

Всю дорогу до машины и потом, когда мы ехали к моему дому, Ирка вслух перебирала варианты, прикидывая, кого бы еще сосватать в жены нашему другу полковнику Лазарчуку.

С учетом всем известного факта, что Серега уже трижды вступал в законный брак, причем два из них – именно с подачи Ирки, задача была непростая. Подругу она заняла всецело, отодвинув мысли и переживания о бабуле, до смерти напуганной «чертями», на задний план.

Однако я не сомневалась, что к этой грустной теме мы еще вернемся.

Глава 2

Несмотря на то, что полковник Лазарчук наш старый добрый друг, как говорится, проверенный в боях товарищ, нашу с подружкой детективную деятельность он откровенно не одобряет. И не затрудняется высказывать свое недовольство всякий раз, когда мы обращаемся к нему за информацией, помощью или (много реже) ценным советом.

Поэтому я не знала, как бы поаккуратнее подобраться к интересующему нас вопросу, размышляя об этом и за праздничным столом, и позже на кухне, когда мы с Ирккой добровольно помогали гостеприимному хозяину дома с мытьем посуды.

Воистину – на всякого мудреца довольно простоты! Если бы я не тщи­лась придумать предлог для беседы, в которой могла бы непринужденно поинтересоваться причиной и обстоятельствами смерти бабули в ромашковом халате, наверняка заметила бы, что и Лазарчук неловко пытается выр­лить на нужную тему.

Помогли нам обоим, как ни странно, жулики. Они опять мне позвонили, и Ирка, увидев на экране моего смартфона незнако­мый номер, сама нахально включила громкую связь.

Я погрозила ей пальцем и прилепила протянутый мне мобильный к уху.

– Елена Ивановна?

– Слушаю.

– Старший оперуполномоченный Гаврилов, Москва. Мы задержали Логунова Антона Игнатовича, скажите...

– Нет, это вы скажите! – я повысила голос. – Что вы себе позволяете, почему не соблюдаете субординацию, как разговариваете со старшим по званию?!

Лазарчук, до того с крайне сосредоточенным видом вытиравший полотенцем свежевывмытые тарелки, чуть не разбил одну из них.

– Кха... какое у вас звание? – мой телефонный собеседник поперхнулся.

– Полковник!

В трубке пошли гудки.

Ирка глянула на часы и ударила в ладоши:

– Bravo! Ты отбила атаку за тридцать секунд!

– Я что-то пропустил, тебя повысили? – изобразил удивление Лазарчук. – Совсем недавно еще младшим сержантом была!

Это правда, военная кафедра универа в свое время подарила мне соответствующее воинское звание, о чем я регулярно напоминаю окружающим представителям «сильного» пола накануне 23 февраля. Чтобы не прихватизировали праздник, а то устроили из него чисто мужской день, как в бане!

– Не всем же в одном звании годами сидеть, – съязвила Ирка. – Ты вот, Сереженька все полковник, полковник... Когда уже генералом станешь?

– Когда раскроет какое-нибудь особо громкое дело, – предположила я.

– Сам? Со своими-то орлами? – подруга пренебрежительно фыркнула – орлы могли бы обидеться. – Нет, никогда этого не будет, если наш друг полковник не научится принимать помощь активных граждан.

– Гражданок, ты хотела сказать, – поправил ее Лазарчук, и его хмурое чело неожиданно прояснилось. – Вот, кстати... Не хотелось об этом говорить, но меня настойчиво попросили... Как бы это сказать...

– Не мямли. – Ирка закрыла кран и повернулась к мойке задом, к Сереге передом. – Что там у тебя?

– У меня к вам... как это? Наверное, просьба...

– Надо же, у нас к тебе тоже! – обрадовалась я.

Похоже, наметился бартерный обмен.

– Ты первая. – Полковнику и впрямь не хотелось о чем-то нам говорить, и он оттягивал этот момент.

– Нет уж! Ты первый начал! – уперлась я.

Мало ли, вдруг Серега хочет от нас того, что стоит полцарства и коня в придачу, а я всего лишь попрошу поделиться информацией!

– Да как же с вами трудно! – настоящий полковник потер полотенцем очередную тарелку, а собственный лоб, беззвучно проартикулировал что-то матерное и все-таки сдался. – Хорошо. Сядьте и послушайте, что я вам скажу.

Мы не заставили себя уговаривать: вытянули из-под сто-

ла табуретки, сели, сложили руки, как первоклашки, устались преданно – все внимание.

– Просьба к вам – разобраться в одной истории...

– Да ладно?! – Ирка подскочила сидя, хлопнула себя по коленкам и мгновенно выпала из образа благодетельной школьницы. – Ты просишь нас что-то расследовать?! Ты – нас?! Какой медведь в лесу помер?

– Да не медведь. – Серега взъерошил волосы. – Бабулька одна.

– Бабулька? – я насторожилась, как гончая.

– Гражданка Колобова Зинаида Григорьевна, краснодарская пенсионерка семидесяти лет.

Я сразу вспомнила, как женщина в розовом вздыхала, глядя на тело под полотенцем: «Ох, Зина, Зина...», – и придвинулась к столу, гипнотизируя взглядом неохотно повествующего полковника:

– Продолжай!

– Вы ж ее, я так понимаю, знали? – остро глянул на меня Лазарчук.

– С чего ты взял? – не дрогнула я.

Ирка так шумно вздохнула, что я даже испугалась: она немедленно начнет каяться полковнику, если уже не успела повиниться во грехе священнику.

– Так вас же видели у нее... При ней... Ну рядом с телом.

– Сережа! – Ирка удержалась от признаний, выпрямилась и сделала оскорбленное лицо. – Если ты хочешь в чем-то нас

обвинить, то знай...

– Что мы с бабулей Колобовой не знакомы! – припечатала я, пока подружка не проболталась. – И ближе к делу, пожалуйста. Какая связь между этой Зинаидой и твоей неожиданной просьбой?

– Тут такая история... Короче, гражданка Колобова внезапно скончалась...

– Естественным образом? – осторожно уточнила я, поскольку Лазарчук опять замолчал, а у Ирки предательски задрожали губы.

– Вполне. Она сердечница была, а тут пережила сильный стресс, выброс адреналина – и вот результат.

– А стресс от чего? – я подбиралась все ближе.

– Вот! Очень правильный вопрос! – Серега похвалил меня и дал совершенно неожиданный ответ: – Похоже, ограбили ее.

– Кто?!

– Да черти какие-то!

Ирка закашлялась.

– Уж так прям и черти, – пробормотала я и похлопала подругу по вздрагивающей спине. – Не существует никаких чертей...

– Попам это скажи, – хмыкнул убежденный атеист полковник. – Это, кстати, они затеялись разбираться, у полиции-то нет причин интересоваться этой историей.

– Ты про каких попов сейчас? Кого конкретно? – У меня

забрехала догадка.

И точно!

– Об уважаемом настоятеле Свято-Георгиевского храма, отце Александре Краснове, знакомце вашем, – подтвердил мое невысказанное предположение Лазарчук. – Это он обратился с просьбой прояснить местонахождение принадлежавшего гражданке Колобовой золота, описанного ею собственному духовнику с условием изготовить из него после ее смерти оклад для иконы Георгия Победоносца, – нудно, точно зачитывая полицейский протокол, пробубнил Серега.

– Золото?!

– Что за золото? – в один голос спросили мы с Иркочкой.

– Сто восемь обручальных колец общим весом четыреста семьдесят два грамма драгметалла 585-й пробы, – так же скучно объяснил полковник.

Мы с подружкой переглянулись, одинаково шокированные и возмущенные равнодушием Лазарчука.

Некоторые люди совсем утратили дух авантюризма! У бабки в затрапезном халате черти стырили почти полкило золота – а кому-то это неинтересно! Не интригует такой небанальный сюжет!

– У нее было сто восемь обручальных колец? – повторила Ирка, не скрывая недоверия. – А с виду – бабка бабкой, ни разу не Клеопатра!

– Она не выходила замуж сто восемь раз, если ты об этом, – досадливо объяснил полковник. – Гражданка Коло-

бова так инвестировала. Всю жизнь покупала колечки, надеясь, что в таком виде ее накопления не пострадают от инфляции.

– А они, значит, пострадали от кражи... Стоп! – я встрепенулась, заметив несоответствие. – Если бабушку ограбили, почему полиция не расследует это дело?

– Так нет же дела! – Лазарчук развел руками. – О том, что у Колобовой было золото в виде ста восьми колец, известно только со слов отца Александра. А бабушка, может, наврала духовнику, сочинила, чтобы особое отношение к себе выторговать. Типа, я вам потом полкило золота завещаю, а вы мне грехи спишите прямо сейчас.

– Это не так работает, – возразила ему Ирка, но уверенности в ее голосе не было.

– Так или не так, а заявление о краже написать некому, – сказал Лазарчук. – И получается, что полиция за это взяться не может.

– А мы можем. – Я наконец поняла, к чему это все. – То есть ты хочешь, чтобы мы в частном порядке выяснили, где бабушкино золото? Если оно вообще было, разумеется.

– Тут, знаешь ли, неважно, чего хочу я, – буркнул Серега. – У нас, конечно, церковь отделена от государства, но, как ни крути, это духовная власть. А никакая власть своего никогда не упустит. Обещана Победоносцу золотая риза – надо дать, иначе нехорошо, не по-божески. А я ни дело завести не могу, ни отказать уважаемому отцу настоятелю!

– И ты придумал перебросить эту ношу на наши плечи! – Ирка распрямилась, безмолвно показывая, что она тот еще атлант.

– На Ленкины вообще-то, – уточнил наш коварный полицейский друг. – Отец Александр в курсе, что у нее большой опыт успешных журналистских расследований, и счел этот вариант вполне подходящим. Так что, беретесь за дело?

Мы с подругой снова переглянулись и, как обычно, поняли друг друга без слов.

– Беремся, – ответила я за нас обеих. – Но с условием, что полиция при необходимости будет оказывать нам посильную помощь. Неофициально, разумеется.

– Как всегда, – безрадостно, но твердо сказал Лазарчук.

– И духовная власть пусть тоже помогает, чем сможет! – я еще не закончила формулировать условия нашего соглашения. – Скажи Саш... батюшке, пусть готовится, мы будем к нему обращаться.

– Ой, а он может нам выдать бумагу типа «То, что сделал предьявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства»? – оживилась Ирка.

– Нет! Он же не кардинал Ришелье, а вы не Миледи! – отбрил Лазарчук, продемонстрировав похвальное знание литературной классики.

– Мы леди в черном. – Я подмигнула обиженной подруге и протянула руку полковнику. – Договорились. Считаю, что ты лично нанял нас для проведения частного расследования!

Теперь уже полковник закашлялся, и Ирка с неприкрытым удовольствием постучала его по спине.

Я-то оделась скромно, но со вкусом: широкие джинсы, базовая футболка, серый валяный жакет, совершенно неприязнительный с виду, если не знать, сколько он стоит.

Ирка же с экипировкой откровенно переборщила. Она надела синее сатиновое платье в пол и вязаный кардиган – по отдельности вещи прекрасные, фирменные, модные и недешевые, но в сочетании с ситцевым платочком... ох!

Белый с голубыми узорами платочек, завязанный узлом под подбородком, сделал весь ансамбль максимально посконным и сермяжным. Вдобавок свою объемистую торбу подруга повесила не на плечо, а через грудь, и теперь ей не хватало только выглядывающих из-под подола лаптей и узелка на палочке.

Может, будь у нее побольше времени, она бы и лапти сплела, да не успела за ночь. Зато палку себе нашла – здоровенную, суковатую. Многофункциональный такой страннический посох – на тернистом пути опора, при встрече с лихим народом – оружие.

– По святым местам скитаетесь? – не удержалась и съязвила я, оценив картинку.

– А что не так? – подруга оглядела себя. – Батюшка сказал – по легенде, мы добрые женщины в трудном положении. Или я, по-твоему, недостаточно добра? – она поудобнее перехватила палку-убивалку.

– Нет-нет, все прекрасно! – я тут же пошла на попятную. – Видимо, я недостаточно хорошо знакома с нашей легендой. Мы кто вообще? Паломницы в странствии? Беженки на марше? Калики переходящие?

– А я знаю? – Ирка пожалала плечами. – У батюшки спросим. Так что, палку не брать, она лишняя?

– Если в доме печное отопление, может пригодиться, – уклончиво ответила я и, поставив свою ношу на землю, потерла ладони, на которых отпечатались ручки увесистой сумки.

По-хорошему, надо было взять чемоданчик на колесах, он и вместительный, и удобный. Но с фирменным ярко-красным пластиковым чемоданчиком, похожим на большую мыльницу, я бы не выглядела доброй женщиной в трудном положении, что бы это ни значило. Развернутых инструкций батюшка Александр – организатор нашего сегодняшнего маскарада – не дал.

– А вот и он! – Ирка первой углядела в конце дороги скромный черный BMW и обрадовалась.

Свою собственную машину она оставила на стоянке, поскольку персональный дорогой внедорожник непоправимо выбивался из заявленного образа, а тащиться с вещами пешком Ирка не хотела – длинное платье, зловредно путающееся в ногах, к тому не располагало.

– А я-то думала, черный «бумер» – бандитская машина, – проворчала я, наблюдая за приближающимся автомобилем.

– Священник – человек, обязанный много ездить, – назидательно сказала подруга. – Ему нужно посещать прихожан, совершать богослужения и требы в различных местах, вовремя успевать в разного рода собрания. Значит, машина нужна быстрая и надежная, а что может быть лучше продукции немецкого автопрома?

Я не стала спорить – «бумер» как раз остановился перед нами. Окошко со стороны водителя поехало вниз, и знакомый приятный голос произнес:

– Здравствуйте, люди добрые! Прошу простить за опоздание – дела прихода...

Ирка еще раз оглядела машину и отбросила в сторону посьох: поняла, что с габаритным дубьем в салон не поместится.

Я, не дожидаясь приглашения, потянула на себя переднюю дверцу и села рядом со святым отцом:

– Доброе утро, батюшка. А не расскажете ли нашу легенду в подробностях?

– В подробностях она не прорабатывалась. – Отец Александр дождался, пока Ирка устроится сзади, и мягко тронул «бумер» с места.

Хорошие машины он и в бытность Сашхеном любил. Помнится, в общеаге всю стену над койкой оклеил фотками автомобилей из журнала «За рулем».

– Опять поленились сделать как следует домашнюю работу? – вспомнив о нашей студенческой юности, я не удержалась от шпильки.

Батюшка хмыкнул, стрельнул в меня неожиданно лукавым взглядом, но тут же посуровел, свел брови в линию:

– Нет, дочь моя, решил оставить вам пространство для маневра.

– Правильно, сочинять мы и сами умеем, – стоворчиво кивнула Ирка на заднем сиденье.

– Но хотя бы рамочно... – я очень хотела понять ситуацию.

На следующий день после того знаменательного разговора Лазарчук позвонил мне и коротко информировал, что настоятель договорился о нашем временном проживании в доме покойной бабки Колобовой. Сказал, что отец Александр велел нам приготовить вещички, дабы выглядеть скромными постоялицами – добрыми женщинами в трудной жизненной ситуации, и ждать его в урочный час в назначенном месте, а толком ничего не объяснил.

– Рамочно: наследница, дочь Зинаиды, пустит вас на постой, – объяснил батюшка. – Вы поживете там, осмотритесь на месте, приглядитесь к людям, послушаете, что они говорят.

– Про золото? – Ирка сунулась к нам и нависла над моей головой, заинтересованно сопя.

– Про золото вряд ли говорят, о нем, похоже, Зинаида не распространялась. – Батюшка ловко свернул в узкий проезд и сразу же остановился. – Приехали! Вы подождите у калитки, а я все решу.

Он первым вышел из машины, не утруждая себя тем, чтобы помочь выбраться добрым женщинам в трудной жизненной ситуации, без стука толкнул калитку и скрылся за ней во дворе.

– Галантность к достоинствам священнослужителей не относится, – проворчала я.

– Естественно, это же им ручки целуют, а не наоборот, – невозмутимо рассудила подруга.

Мы вышли из машины и встали под забором, дожидаясь развития ситуации – трудной жизненной, не иначе. Когда у нас другие были?

– А хорошо здесь! – Ирка потянулась и сделала глубокий вдох, а потом выдох. – Почти как в деревне.

Мимо с негромким урчанием прокатил лаково-черный «Гелендваген».

– Почти, – согласилась я и огляделась.

По другую сторону проезда, напротив забора участка бабки Колобовой, тянулась глухая бетонная стена. На глазок – примерно четырехметровая. Не исключено, что увитая поверху колючей проволокой. За стеной сплошным рядом торчали темные пики не то кипарисов, не то туй – я в ботанике не разбираюсь, – за этой зеленой изгородью едва просматривалась красная черепичная крыша большого дома. В дальнем углу обнесенного бетонной стеной двора виднелся портал, иначе не скажешь: вроде как въезд в гараж, но обрамленный белым мрамором. Сверху портик, по бокам колонны

– красота!

– «Гелик» оттуда выехал? – спросила я Ирку.

– Оттуда, – подруга не глядя махнула рукой в глубь проезда и продолжила любоваться той частью пейзажа, которая выглядела пасторальной. – Взгляни, как красиво смотрятся старые ивы над рекой!

Старые ивы, растущие под дамбой, уже у самой воды, сверху были представлены преимущественно волнующимися на ветру зелеными макушками.

– А камыши какие – загляденье просто! – поддакнула я подруге, чтобы не портить ей удовольствие.

– Какие камыши, ты что? Это тростник обыкновенный!

Вот Ирка в растительности прекрасно разбирается, она основатель и совладелица торговой компании, снабжающей всем необходимым, включая посевной материал, огородников и садоводов.

– Как можно перепутать? – подруга моментально оседлала своего любимого конька. – Камыш относится к ботаническому семейству осоковых, а тростник – к злаковым! У камыша характерное соцветие, очень узнаваемое...

– Похоже на длинный микрофон или мороженое эскимо, – вставила я, желая показать, что и я не вовсе темная. Но добилась обратного результата:

– Ты что?! Эскимо – у рогоза, а это вообще другой вид!

– Понятно, перед нами тростник. – Я попыталась свернуть тему, но снова не преуспела.

Ирка уже завелась:

– Тростник обыкновенный или южный – водное растение до пяти метров высотой. Корневище очень ветвистое. Поскольку это злак, вся его соломина до самой метелки на вершине покрыта плоскими листьями. Соцветие – крупная метелка, колоски темно-фиолетовые...

– Он желтый! – возмутилась я, потому как в ботанике не спец, но цвета и их оттенки вполне различаю.

– Так на дворе весна! А тростник цветет в июле-августе, плодоносит в августе-сентябре, причем не ежегодно!

– Ну и ладно! Как хочет, так пусть и цветет! – Я тоже рассердилась.

– Как хочет – это непорядок, сухой тростник легко вспыхивает, а тут он выполз по откосу к самой дороге! – Ирка оглянулась, как будто надеясь быстро найти ответственного за это пожароопасное безобразие.

– Зато красиво, – примирительно сказала я. – Желтая полоса тростника, зеленая – ивовых листьев, серебристая – воды, голубая – неба...

– Похоже на слоеное желе. – Подруга сглотнула. – Слушай, я ведь сегодня толком не позавтракала, так спешила... Хоть бы чаю выпить... Мы долго будем тут стоять, томясь жаждой, как...

– Как сухой тростник, – ехидно подсказала я.

Ирка открыла рот, чтобы как-то отреагировать на эту реплику – надеюсь, похвалить мое остроумие, – но тут за за-

бором послышались приближающиеся голоса. Мы немного отодвинулись от калитки, и из нее вышел отец Александр. Я успела увидеть, что он сунул в карман черной, в тон рясе, куртки бумажник, взамен выудив оттуда ключи от машины.

– Все решено, Татьяна примет вас, а мне, уж простите, пора в храм. – Батюшка обошел машину, сел за руль, прощально бибикнул и укатил.

– Я раньше думала, священники неторопливы и основательны, – задумчиво сказала Ирка, провожая взглядом выворачивающий из проулка «бумер». – А этот наш какой-то неправильный, да? Прости господи, что сказала...

Я не успела ничего ответить.

– Мне долго ждать? – раздраженно поинтересовался женский голос.

Я оглянулась. За забором, придерживая оставшуюся открытой калитку, стояла рослая пышная деваха лет тридцати, может, чуть старше. Физиономия у нее была румяная, щекастая и угрюмая.

– Татьяна, милая Татьяна, – пробормотала Ирка, уместно процитировав Пушкина.

– Тридцать три года уже Татьяна, – огрызнулась деваха. – Вы заходите, нет? Или держите ключи и сами разбирайтесь, что к чему, мне тут с вами некогда...

Не дожидаясь ответа, она развернулась и зашагала по гравийное дорожке в глубь двора.

Мы потянулись за ней.

– Вот, – деваха остановилась у кирпичного домика с мансардой.

– Дом, милый дом, – пробормотала Ирка, не сильно видоизменив свою предыдущую реплику.

– Удобства в пристройке, она с другой стороны, колонка газовая, старая, но исправная, включается автоматически, стиралки нет, мама тазиком обходилась, за воду, свет и газ отдельно по счетчикам заплатите, за сохранность имущества отвечаете рублем, – напористо протараторила Татьяна. – Ключ вот.

Она сунула в руку Ирке – та стояла ближе – приличных размеров железяку, но тут же выдернула ее обратно:

– Ой, там же собака!

– Ключ, милый ключ, – пробормотала подруга, глядя на свою ладонь, под тяжестью совсем недолго полежавшей на ней железяки опустившуюся сантиметров на пять.

– Меня больше собака интересует, – озабоченно шепнула я. – Сдается мне, она совсем не милая!

Дверь дома содрогнулась под ударом изнутри.

– Демон, фу! – крикнула Татьяна. – Фу, я сказала, сидеть!

– Демон? – с непередаваемой интонацией повторила Ирка.

Черти в этой истории уже упоминались. Теперь и демон появился. Растем! Набираем обороты!

Хозяйка не без труда провернула в замочной скважине царь-ключ, открыла дверь, ловко сцапала за ошейник вы-

рвавшееся наружу чудище и, переступив через широкую черную спину зверя, сжала его меховые бока ногами. Чудище оглушительно гавкнуло, вывалило красный язык и шумно задышало, глядя на нас с таким видом, будто оно тоже сегодня еще не завтракало, но твердо намерено сделать это в ближайшее время.

– Ой, и кто это тут у нас такой? – неискренним льстивым голосом засюсюкала Ирка, явно надеясь расположить к себе чудище.

– Сказали же тебе – демон. – Я по широкой дуге обошла Татьяну с плененным зверем и поднялась на крыльцо.

Дверь крепкая, если что – захлопну ее за собой и спасусь.

Демон но пасаран!

– Демон – это кличка, – снизошла до пояснений хозяйка. – Хороший пес, хоть и не чистопородный.

– Помесь Астарота с Бегемотом? – поинтересовалась я.

Под прикрытием прочной двери уже можно было и поязвить.

– Ньюфа с ротвейлером. – Хозяйка с усилием оттащила собаку подальше. – Вы заходите, а мы пойдем. Ключ я на крыльце оставляю.

Ирка птичкой вспорхнула на упомянутое крыльцо, непридуманно продавив меня внутрь дома.

– До свиданья, Татьяна, – вежливо сказала я в щелочку приоткрытой двери.

– Изыди, Демон, – так же вежливо добавила Ирка.

– Я как-то странно себя чувствую, – шепотом пожаловалась подруга в крошечном мраке. – Что-то мне дискомфортно.

– Извини. – Я прижала локоть, который упирался во что-то мягкое. Предположительно – в Иркут, но убедиться в этом возможности не имелось. В помещении, где мы добровольно самоизолировались от голодного Демона, было темно, как в погребе.

Кто-то (предположительно, опять же Ирка) чем-то зашуршал, и по стене рядом с дверью зашарил рассеянный луч: подруга достала мобильник и включила в нем подсветку.

– Где-то тут наверняка есть выключатель...

– Это если тут есть электричество, что вовсе не наверняка, – заметила я.

Однако ошиблась: Ирка нашла искомое и с победным возгласом «Эврика!» оживила лампочку на шнуре. Я поморгала, восстанавливая зрение, и осмотрелась, не спеша сходить с коврика у порога – помнила, что тут взаперти огромный пес сидел. Вдруг он оставил следы своей жизнедеятельности? Характерное амбре собачьей шерсти точно присутствовало.

– Ну-у-у, что сказать? Привет, восьмидесятые! – Ирка протянула руку и щелкнула по носу-пуговке олимпийского Мишку на картинке, наклеенной на зеркало для маскировки (неудавшейся) облупленного угла.

Рядом с трюмо висилась рогатая вешалка, густо, как

сказочное чудо-дерево, поросшая разнообразным барахлом, под ней толпилась незатейливая обувь – тапки, галоши, войлочные боты, разношенные до бесформенности туфли. Дальше тянулся короткий коридорчик, перегороженный шторой на кольцах. Ирка шагнула вперед, отдернула плешивый бархатный занавес, толкнула прячущуюся за ним двустворчатую дверь, сунулась за нее, оставив мне на обозрение только свою тыльную часть, и глухо возвестила из закулисья:

– Ну все понятно. На окнах ставни, хозяйка забыла их открыть! Поэтому тут темно, как у негра в... в ночном Томбуку.

Она вернулась, выглянула за дверь, удовлетворенно сообщила:

– Ушли уже, – и тут же выдвинулась наружу.

Я осталась стоять на месте, прислушиваясь к хрусту гравия, треску лопухов и громыханию железа. Судя по звукам, Ирка обошла дом и попыталась открыть ставни. Судя по нерушимому мраку, не преуспела.

– Ставни деревянные, перекладины железные, заперты на навесные замки, – доложила подруга со двора. – А ключ нам оставлен всего один, и он только от входной двери, к амбарным замкам на ставнях не подходит! Вот же бестолочь эта Татьяна!

– Не то слово, – согласился с ней незнакомый женский голос.

Я выглянула за дверь и нос к носу столкнулась со смутно

знакомой особой.

– С новосельцем! – полная женщина лет шестидесяти умильно улыбнулась мне и подняла накрытую салфеткой тарелку.

Я потянула носом – очень приятно пахло свежей выпечкой. Кажется, с творогом. И с изюмом. И с ванилью...

– Пирожочки? – облизнулась я.

– Ага. А я Людмила, соседка ваша.

– Я Елена.

– А я Ирина, – подоспевшая подруга протянула руку – ду-маю, к пирожкам, но соседка поняла это как предложение рукопожатия. – Будем знакомы... Не заметила, как вы подошли.

– Так я не в калитку, а через малинник. – Людмила кивнула в глубь заросшего сада. – У нас же там проход между участками открыт. Ефимыч начал забор менять, старые доски снял, а новые не набил еще...

– А кто у нас Ефимыч? – насторожилась я.

– Так тоже квартирант. – Соседка вскинула голову и подбородком указала на островерхую крышу. – В мансарде живет, еще спит, наверное. Проснется – познакомитесь.

– И попросим ключ от замка на ставнях. – Ирка нашла решение проблемы и обрадовалась. – А пирожочки с чем?

– Так с творогом и сухофруктами. – Людмила деловито шагнула в дом, но тут же отступила. – Темно-то как, и псиной пахнет... Давайте мы лучше тут!

Она отошла к дощатому столу, вкопанному под яблоней, поставила на него тарелку, села на лавку и жестом пригласила нас присоединиться.

– А у меня горячий чай, – запасливая Ирка достала из своей торбы термос, запаянную в целлофан стопку новых бумажных стаканов, пластиковые ложки и шоколадку.

Я вынула из сумки упаковку влажных салфеток.

Общими усилиями мы моментально организовали чаепитие на свежем воздухе. Хотя мне показалось, что наличие у нас бумажных стаканов и пластиковых ложек соседка расценила как признак крайней бедности, а не похвальную предусмотрительность.

– Ну ничего, у Зины нормальная посуда есть, – сообщила она нам сочувственно. – И бельишко постельное, и прочий нужный скарб... Небось не все еще Танька утащить успела.

– Но что-то уже утащила? – встревожилась я.

Если дочь нашла мамины кольца, ничем мы батюшке Александру не поможем. Сам пусть бодается с родней усопшей, доказывая, что золото обещано храму, а святой Георгий – наследник первой очереди.

– Так прилетела как ошпаренная, едва о смерти мамки узнала! – Людмила широко расставила пышные локти, низко нависла над столом и заговорила заговорщицким шепотом: – То годами не являлась, разве только чтоб поскандалить, а тут вихрем примчалась! И нет чтоб мамку оплакать, куда там! Скорей давай в шкафах шуровать, пока другие наследники

не подоспели. У Зины же еще два сына, но оба далеко живут. Да и нормальные они, у мамки денег никогда не просили.

– А Танька, значит, просила? – Ирка так заинтересовалась, что забыла про свой недоеденный пирожок. Так и застыла с ним в одной руке, с ложкой в другой – чисто императрица с державой и скипетром!

– Просила? Нет! – соседка помотала головой, на которой от резкого движения пружинисто запрыгали тугие колечки химической завивки. – Она не просила, а требовала! Орала, даже матом Зину крыла: «Ты, такая-растакая, родила меня, а подумала, как я жить-то буду? На какие шиши? Многодетная мать, так тебя и растак! Нищеты наплодила, безмозглая, обрекла меня голодать...» А вы видели ее, ту голодающую? Девка кровь с молоком, здоровенная, как лосиха! – Людмила фыркнула и сердито надкусила пирожок. Это заметно ухудшило ее дикцию, и часть сказанного дальше я не разобрала.

– Так что она унесла-то? – нетерпеливо уточнила Ирка.

– Машинку швейную зингеровскую, отрезы шерстяные и габардиновые стопкой, хрусталь мамкин, икону бабкину еще, – соседка живо загибала пальцы. – Добро в такси загрузила, а в дом взамен собаку здоровенную посадила, чтоб, значит, если у кого еще ключ есть, не вошли.

– А у кого еще есть ключ от дома? – вмешалась я. – Нам бы знать, может, надо замок поменять для пущего спокойствия.

– Да что у вас брать-то? Посуду одноразовую? – хихикая, Людмила затряслась, как желе. Потом посерьезнела: – Или

вы за себя беспокоитесь? Так вы не бойтесь, у нас тут лихо-деев нет. Да и батюшка за вас словечко замолвил, просил не обижать. А мы не люди, что ли? Поможем, если что, завсегда обращайтесь. Ко мне вон прямиком через малинник можно, по-свойски, без церемоний.

– Постараемся не злоупотреблять вашей добротой. – Судя по тону, Ирка обиделась. Не иначе как на упоминание одно-разовой посуды.

Я незаметно наступила ей на ногу под столом – не время для гордости и предубеждений, мы тут не просто так социализируемся, а расследование ведем! Подруга спохватилась:

– Но спасибо за предложение.

– И отдельная благодарность – за эти прекрасные пирожки! – добавила я.

– Завтра с капустой напеку, – пообещала Людмила.

– Вот это, я понимаю, добрососедские отношения! – восхитилась я. – Вы, наверное, с Зинаидой дружили, да? Что с ней случилось? Она как-то внезапно умерла?

– Внезапно – не то слово, – согласилась соседка. – Утром еще в норме была, за молоком ходила, у нас на перекресток дважды в неделю фермерское молоко привозят... Днем я ее не видела, своими делами занята была, а потом вдруг слышу – Ефимыч из своего скворечника кричит: «Зина! Зина! Ты куда?» Я вышла, смотрю – он из окошка кукушечкой высунулся, а Зины уж и след простыл, только рогоз через дорогу трясется...

– Тростник, – вставила Ирка. – Рогоз – он...

Я незаметно толкнула ее коленом, и она замолчала.

– Потом смотрю – бредет Зина к дому, вся белая, еле ноги переставляет и за сердце держится, – продолжала Людмила. – Я – к ней, а она вдруг – бряк на бок, ноги на дорожке, лицо под кустом, губы синие едва шевелятся: «Черт унес, черт унес...» А кого он унес? И куда? Надеюсь, это она не про себя, царство небесное рабе божьей Зинаиде, неплохая баба была. – Соседка перекрестилась и встала с лавочки. – Пойду я, у меня суп гороховый на плите. Не пригорел бы! Просила внука помешивать, но он, охламон, небось в компьютер свой уткнулся и обо всем позабыл.

– Тарелочку вашу мы непременно вернем! – ей в спину крикнула Ирка.

Людмила, не оглянувшись, отмахнулась салфеткой.

– Оказывается, это не очень приятно – принимать благодарения. – Подруга вздохнула, немного покручинилась и все-таки взяла второй пирожок.

– Вот! Теперь понимаешь, почему я отказалась, когда ты хотела подарить нам на Новый год холодильник? – я припомнила декабрьскую историю.

– Ну ты сравнила! Эта Людмила нам чужая, а я тебе – лучшая подруга, мы уже сколько... Четверть века вместе и в горе, и в радости!

– И не будем на этом останавливаться, еще четверть века проживем... Подольешь мне чайку, у тебя в термосе остал-

ся? – я постаралась перевести тему.

– Полно еще!

Ирка снова наполнила наши стаканы, и мы продолжили в меру безумное чаепитие.

Я сидела лицом к реке, которую, впрочем, со своего места не видела – она текла под откосом насыпной дамбы, возведенной с полвека назад с целью защиты жилых кварталов от весеннего половодья. По верху дамбы тянулась дорога, она же с одной стороны – улица, но и ее я наблюдала пунктирно, в редкие просветы между кустами сирени и жасмина. Те разрослись так свободно и широко, что впору было усомниться в необходимости забора, который в данный момент был представлен исключительно столбами – и ничего, участок казался достаточно изолированным и защищенным.

Но только казался. Ведь кто-то умыкнул золотишко бабы Зины!

Хотя она могла и сама его припрятать так, что без пиратской карты с крестиком на месте клада нипочем не найдешь...

– А вот скажи мне, дорогая, – я отвела рассеянный взгляд от бреши в зеленых насаждениях и сфокусировала его на Ирке, безмятежно прихлебывающей чаек. – Если бы у тебя было полкило золота, как бы ты его хранила?

– В сейфе в подвале своего дома, – не задумываясь, ответила подруга. – Ты знаешь, какое это капитальное строение, железобетонный фундамент под наружными стенами почти

метровой толщины. Ограбить меня мог бы только Метрострой с его спецтехникой!

– Мне кажется, тут нет подвала. – Я с сомнением посмотрела на дом.

– Тебе не кажется, – подтвердила подруга.

Не верить ей оснований не было – по первому образованию она инженер-строитель.

– Но мы же имеем в виду не меня с моим домом – моей крепостью, а покойную бабушку, – продолжила Ирка. – Так где же могла хранить свое золото она? Твои версии?

– Не в банковской ячейке, как это сделала бы я, – с готовностью выдала свои соображения я. – И не на участке, потому что на него очень легко попасть. Ты слышала? Оказывается, забора нет не только по фасаду, но и со стороны участка соседки Людмилы!

– Значит, золото хранилось в доме, – рассудила подруга. – Причем не в мансарде, потому что туда бабка пустила какого-то квартиранта. Вывод: искать надо во внутренних помещениях.

– Согласна. – Я разломилла последний пирожок, чтобы побратски, вернее, по-сестрински разделить его с лучшей подругой, и замерла с протянутой рукой: – Что такое?

Ирка смотрела мне за спину и вид при этом имела весьма испуганный.

– Что там? Демон вернулся? – прошептала я, боясь оглянуться.

– Демон? Нет... Черт какой-то. – Подруга привстала и прищурилась. – И снова спрятался.

Я развернулась на лавке, но никого не увидела.

– Какой еще черт?

– Такой, – Ирка провела ладонью в воздухе.

Примерно полутораметровый, прикинула я.

– Весь черный, – добавила подруга. – Прятался там. Высунулся из-за угла и снова скрылся.

– Где прятался, здесь?

Я встала и подошла к дому, заглянула за угол и увидела тянущуюся по стене железную лестницу в два пролета. Она упиралась в остекленную дверь мансарды. Сложить два и два труда не составило:

– Да это, наверное, тот самый квартирант из своего скворечника спустился!

– Я-то квартирант! – из-за серебристой водосточной трубы на другом углу дома высунулся пугающе огромный черный клюв... а, нет – всего лишь козырек бейсболки. – А вы кто?

– Не поверите – мы тоже квартиранты! – ответила я, облегченно выдохнув.

Конечно, не верю в чертей, но мало ли кто может шнырять у дома, где предположительно спрятан клад!

– А, те самые, – из-за угла вышел невысокий пожилой мужчина, весь в черном – понятно, почему Ирке черт примерещился. – Я Анатолий Ефимович.

– Я Елена, а это Ирина, – я кивнула на подругу.

Та уже подошла к нам и сразу же спросила:

– Анатолий Ефимович, скажите, у вас есть ключи от тех замков, что на ставнях?

– Их Танька забрала. Мне-то зачем, я в мансарде. – Мужик отвернулся от нас и стал ожесточенно, как мне показалось, ломать сирень.

– Кусты-то зачем портить? – тут же построжала Ирка – она к любой полезной зелени очень трепетно относится.

– Затем, что на цветы у меня денег нет, а без них на могилку идти нельзя, непорядок, – ответил наш сосед, неловко складывая ветки в кривобокий букет, больше похожий на веник. – Пошел я, проведу Зиночку. Бывайте.

– Дедуля отправился с визитом на кладбище, – проводив его взглядом, озвучила очевидное Ирка. – Богоугодное деяние, конечно... А только не похоже это на отношения квартиранта с хозяйкой, не находишь?

Я не нашла ничего, даже слов, поэтому просто пожала плечами.

– Так! – Ирка ожила, заторопилась. – Во-первых, звони этой курице безголовой – Татьяне, пусть возвращается и открывает нам ставни.

– А во-вторых? Огласите весь список, пожалуйста.

– А во-вторых – идем в дом и начинаем методичные поиски спрятанных там сокровищ!

– А ведь верно говорят: что ни делается, все к лучшему, –

радовалась подруга, способная в любой ситуации найти повод для оптимизма. – Даже хорошо, что ставни закрыты – никто не заглянет в окна, пока мы тут шуруем!

«Шуровать» мы начали с большой комнаты, в кубанской традиции именуемой «залой». Прихожую толком не обыскивали, рассудив: это слишком доступное место, чтобы прятать там какие-либо сокровища. Поэтому мы заперли наружную дверь на ключ, включили все источники освещения и первым делом методично, от зашторенного входа по периметру, начали осматривать «залу».

У покойной хозяйки дома была своя система расстановки мебели – сплошным рядом без зазоров вдоль стен. Левее бархатной шторы помещался комод, уставленный фотографиями в рамочках, к нему примыкало кресло, занимающее собой угол. Далее высился торшер – окружающая его ножку полка-столик упиралась в облезлый деревянный подлокотник кресла с одной стороны и в такой же диванный – с другой. К дивану примыкало второе кресло, подступ к нему частично перегораживала мебельная «стенка», тянущаяся по длинной стороне комнаты. Под окном спинками к стене стояли три одинаковых стула, за ними надежда и опора традиционного советского гостеприимства – коричневый полированный складной стол-книжка, а в правом – «красном» – углу помещалась треугольная консоль, увенчанная синей пузатой вазой с букетом пыльных искусственных роз. Над ней на выцветших обоях темнело пятно – я поняла, что там ви-

села икона, которую, как сказала соседка, утащила Танька.

Пространство до дверного проема, похоже, тоже что-то занимало: на стене можно было видеть прямую линию – потертость, образовавшуюся на обоях оттого, что к ним плотно прижималась какая-то горизонтальная поверхность.

– Тут швейная машина стояла, не иначе, – рассудила Ирка, поведив над этой брешью руками и что-то прикинув. – Я помню размеры подстоля зингеровской машинки, оно как раз поместилось бы между консолью и тумбой.

Тумба замыкала мебельный хоровод, подступая к бархатной шторке с другой стороны.

– Как много полочек и ящиков! – вздохнула я с тоской. – Уйма времени уйдет, чтобы все осмотреть. Жаль, что минимализм в интерьере вошел в моду относительно недавно.

– Зато нам не придется вскрывать потолок, – утешила меня оптимистично настроенная подруга. – Он тоже старомодный – не натяжной, а оштукатуренный и побеленный, и в нем точно нет тайника. Вот насчет пола я не так уверена, под половички надо бы заглянуть.

Часа два, не меньше, мы добросовестно заглядывали под половички, на полки, в ящики и во внутренний мир диванов и кресел – с нулевым результатом, если не учитывать дикую панику, вызванную нашими действиями в семействе пауков.

– Мне кажется, мы неправильно ищем, – сказала я, устало опустившись на стул в маленькой комнате – похоже, спальне.

Та была меблирована экономнее: шифоньер, кровать, стул

и стол под окном.

– А как, по-твоему, правильно? – Поскольку я заняла единственный стул, Ирка присела на край стола и нервно качнула в воздухе ногой.

– Нужно сначала выработать систему... – Я, не закончив, отвлеклась: подруга ойкнула и вытащила из-под себя какую-то блестящую штучку. – Что там у тебя?

– Помада. – Ирка открыла тюбик, заглянула в него, понюхала и скривилась: – Фу-у-у, старым жиром пахнет! Как этим можно пользоваться, не понимаю?

Я встала со стула, подошла и спихнула ее со стола:

– Ну-ка, посмотрим... Так-так...

– Как-как?

– Смотри, тут лежит прорезиненный коврик, – я похлопала по накрытой им столешнице. – Зачем? В этом винтажном интерьере уместнее была бы самовязанная кружевная салфеточка или плюшевая скатерть с бомбошками.

– Может, бабушка имела обыкновение пить чай у окна, а руки у нее по причине возраста тряслись, вот она и постелила непромокаемый коврик, чтобы не плескаться кипятком на винтажную полировку?

– По-моему, ключевое слово тут – полировка! – я наклонилась и подняла с пола белый кружочек. – Что говорит нам этот ватный диск в сочетании с помадным тюбиком, Ватсон? При том, что оба эти предмета мы обнаружили под окном?

– Зинаида наносила макияж при естественном освеще-

нии? – с сильным сомнением предположила Ирка.

– Кто стал бы мазаться старой помадой?! – ужаснулась я.

– Старая бабка?

– Да нет же! – я максимально выкрутила тюбик, сунула в него палец, накрытый ватным диском, и показала подруге добытую изнутри густую массу морковного цвета. – Вот так она делала! А потом использовала это как полировальную пасту, понимаешь? Но не для мебели, а для того, что раскладывала на этом коврик под лучами солнца, любуясь, как на свету блестит и переливается...

– Золото! – Ирка в полном восторге хлопнула в ладоши. – Бабка полировала кольца! Значит, полкило драгметалла – не миф, кольца реально существовали! Все, перерыв закончен, ищем дальше!

Дальше мы обыскали кухню и примыкающую к ней кладовку, перерыв все емкости с крупами и макаронными изделиями, которых в закромах у покойной бабули оказалось немало. Увы, ничего драгоценного не нашли.

Уставшие и потерявшие кураж, мы сели пить чай с сухим печеньем из запасов хозяйки, царство ей небесное. На сей раз – из нормальных фаянсовых кружек.

– Одно из двух: либо золото действительно украли, либо мы что-то упустили. – Ирка обшарила взглядом кухню. – Но вроде бы весь первый этаж обыскали...

– Формально – да, весь первый этаж дома, – я акцентировала последнее слово. – Но есть же еще пристройка!

– Та, где санузел? Слушай, но это как-то... неуважительно, что ли. – Подруга поморщилась. – Держать золото в сортире – это очень плохой фэншуй!

– А ты посмотри на это с другой стороны. Зинаида покупала кольца всю жизнь, так?

– Ну, лет сорок, наверное.

– А Татьяне, она сказала, тридцать три, и у нее есть старшие братья. То есть здесь жила семья – Зинаида, ее муж, их сыновья и дочка. Трое детей, из них пара пацанов. А уж тебе-то не надо объяснять, что это такое – мальчик и еще мальчик!

– Дети наверняка всюду лезли и постоянно крутились у мамки под ногами, – с пониманием кивнула Ирка. – И что?

– А то, что Зинаида никак не смогла бы сохранить в тайне факт наличия у нее постоянно увеличивающегося золотого запаса, если бы не прятала его в таком месте, куда никто, кроме нее, не полезет, это с одной стороны. А с другой – это должно было быть относительно легкодоступное место, не наглухо замурованная ниша в стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.